

К ВОПРОСУ О МОРАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОМ СОСТОЯНИИ РУССКОЙ АРМИИ В 1917 г.

А. П. Жилин // Первая мировая война: дискуссионные проблемы истории. М., 1994.

В общем комплексе проблем, связанных с историей первой мировой войны, есть немало таких, которые вызывают особый интерес. К их числу относится изучение роли и места русской армии в сложной и противоречивой политической жизни страны накануне октября 1917 г. Настроения, моральный дух солдатских масс в 1917 г. в период переломных испытаний во многом предопределили последующие судьбы России. Борьба за армию занимала главное место в стратегии всех политических сил. Однако анализ настроений солдатских масс в армии в целом не стал еще самостоятельной темой, а рассматривался в научной литературе в основном в контексте борьбы большевиков за армию¹. В работах советских историков давно утвердилась ленинская концепция, согласно которой разлагали армию не большевики, как это утверждали их

ю См.: Большевик, 1932. NS 22. С. 87—88.

20 Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 309—310. i См. работы: Х. М. Астрахани, Л. С. Гапоненко, П. А. Голуба, С. Г. Капшукова, П. В. Козлова, В. И. Миллера, И. И. Минца, Х. И. Муратова, И. Ф. Петрова, Я. Г. Темкина, Г. А. Трукана, М.-С. Френкина, Н. М. Якупова и других,

153

оппоненты, а правящие классы, буржуазия, лидеры соглашательских партий, своей антинародной политикой подрывавшие обороноспособность страны. «Разлагали армию те, кто объявил эту войну великой, — писал В. И. Ленин, —... мы армии не разлагали, а говорили: держите фронт, — чем скорее вы возьмете власть, тем легче ее удержите»-. Он же в другом случае утверждал, что партия большевиков могла гордиться тем, что исполнила свой долг, «разлагая силы нашего классового врага, отвоевывая у него вооруженные массы рабочих и крестьян для борьбы против эксплуататоров»³.

В последние годы под влиянием развернувшейся полемики о методах борьбы большевиков за власть в литературе широкое распространение получил тезис эмигрантской историографии об исключительной ответственности большевиков за развал армии, подрыв ее устоев.

Существование этих противоположных взглядов диктует необходимость более углубленного изучения эволюции настроений в армии. Это позволит осмыслить причины возрастания роли народных масс, и в частности солдат, в общественной жизни, особенно в решающие, поворотные моменты между февралем и октябрём 1917 г. В России в 1917 г. одним из таких моментов стало проведение последней крупной летней наступательной операции на Восточном фронте. Летом 1917 г. именно вопрос о наступлении армии стал центральным, не столько военным, сколько политическим или, как неоднократно подчеркивал В. И. Ленин, вопросом «перелома всей русской революции»⁴. Краткому рассмотрению настроений в армии в этот период и посвящена данная работа.

Напомним, что, вступая в мировую войну, Россия имела одну из самых крупных кадровых армий среди стран противоборствующих коалиций. В предвоенные годы военное министерство, Генеральный штаб осуществили ряд военных программ и реформ, направленных на улучшение организационной структуры армии, увеличение ее численности, технического оснащения и повышения ее боеспособности. Русский Генеральный штаб разработал соответствующие современному характеру войны принципы военного искусства, наставления и руководства по боевой подготовке войск. Высшее военное руководство России сделало немало также, в области планирования войны. В своих расчетах оно исходило из представления о сложности характера вооруженной борьбы, необходимости ее всестороннего обеспечения.

Конечно, в подготовке вооруженных сил существовали серьезные недостатки и просчеты. Тем не менее накануне войны Россия располагала достаточно мощной армией, способной решать сложные стратегические задачи. На всем протяжении войны русские вооруженные силы вели активные боевые операции, не раз спасая союзнические армии от разгрома. С первых дней войны русский — Восточный — фронт стал одним из основных фронтов. Русская ар-

2 Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 115.

3 Там же. Т. 40. С. 8—9.

4 Там же-Т. 32. С. 301.

154

мия, в первый период войны принявшая на себя удары германо-австрийских сил, предоставила своим западным союзникам по Антанте — Англии и Франции — необходимое время и возможность для развертывания военно-экономического потенциала⁵.

В коалиционной стратегии Антанты вооруженные силы России в самые тяжелые годы мирового противоборства — 1914—1916 гг.— играли решающую роль в разгроме военных сил германского блока. Это в значительной степени и предопределило результат мировой войны. Выпавшие на долю русской армии тяжелые испытания потребовали от ее личного состава и прежде всего от мно-

гомилионных солдатских масс высоких боевых и моральных качеств — верности долгу и присяге, выносливости и самоотверженности, решительности и стойкости, мужества и отваги. Правительство, опираясь на эти качества солдат русской армии, рассчитывало в какой-то степени компенсировать недостаточное материально-техническое оснащение войск, уравновесить силы в борьбе с экономически более развитым врагом.

Важным итогом идеологической подготовки к войне, проделанной всеми наличествующими тогда средствами, был высокий патриотический подъем в стране накануне августа 1914 года. 96 % подлежащих призыву явились на мобилизационные приемные комиссии. Если до объявления общей мобилизации численность вооруженных сил России составляла 1 423 000 человек, то после ее осуществления, давшей армии прибавление в 3 115 000 человек и проведения дополнительных призывов к концу 1914 г. в строю оказалось свыше 6,5 млн человек⁶. Всего за годы войны было мобилизовано около 15,5 млн человек. По своему составу русская армия была в основном крестьянской. За три с половиной года войны из деревни были призваны свыше 12,8 млн человек⁷. Как отмечал бывший профессор императорской военной академии, генерал Н. Н. Головин в работе, посвященной военным усилиям России в мировой войне, политическое мировоззрение многомиллионной солдатской массы в первые годы войны полностью определялось формулой «За Веру, Царя и Отечество». Для русских народных масс в начале войны она была своего рода политическим обрядом.

Характеризуя народные настроения в 1914 г. Головин писал: «Первым стимулом, толкавшим все слои населения России на бранный подвиг, являлось сознание, что Германия сама напала на нас... Угроза Германии разбудила в народе социальный инстинкт самосохранения. Другим стимулом борьбы, оказавшимся понятным нашему простолюдину, явилось то, что эта борьба началась из необходимости защищать право на существование единокровного и единоверного сербского народа. Это чувство отнюдь не представляло собой того "панславизма", о котором любил упоминать кайзер Вильгельм, толкая австрийцев на окончательное поглощение сер-

⁵ См.: *Лютое И. С., Носков А. М.* Коалиционное взаимодействие союзников по опыту первой и второй мировых войн. М., 1988, С. 61.

⁶ Россия в первой мировой войне 1914—1918 гг. <в цифрах>. М., 1925, *Емец В. А.* Очерки внешней политики России 1914—1917. М., 1977. С. 95.

⁷ Россия в первой мировой войне 1914—1918 гг. (в цифрах). М., 1925. С. 49.

155

бов. Это было сочувствие к обиженному младшему брату... Это чувство защитника обиженных славянских народов нашло свое выражение в слове "братушка", которым наши солдаты окрестили во время освободительных войн болгар и сербов и которое так и перешло в народ. Теперь вместо турок немцы грозили уничтожением сербов — и те же немцы напали на нас. Связь обоих этих актов была совершенно ясна здравому смыслу нашего народа»⁸.

К 1917 г. армия претерпела существенные изменения. Прежде всего почти полностью выбыл в результате кровопролитных боев кадровый состав. Верховное командование, готовясь к ведению кратковременной войны, не берегло ни офицерских, ни унтер-офицерских кадров, вливая их в ряды действующих частей. Как отмечал генерал А. И. Деникин, «с течением времени, неся огромные потери и меняя 10—12 раз свой состав, войсковые части, по преимуществу пехотные, превращались в какие-то этапы, через которые текла непрерывно человеческая струя, задерживаясь недолго и не успевая приобщиться духовно к военным традициям части»⁹.

Возникший в ходе войны кризис в снабжении армии оружием, особенно тяжелой артиллерией, боеприпасами вынуждал возмещать этот недостаток более интенсивным использованием живой силы. В начале 1916 г. начальник штаба верховного главнокомандующего генерал М. В. Алексеев в своем выступлении в Ставке заявлял, что поскольку русская армия не имеет такой могучей артиллерии, как ее союзники, то «придется брать количеством пехоты»¹⁰, Именно нехватка необходимого количества снарядов, особенно в первые два года войны, была, как писал Е. Барсуков, исследовавший эволюцию русской артиллерии в годы войны, «одной из серьезных причин военных неудач на русском фронте и, в частности, чрезмерных потерь пехоты»¹¹.

Огромные жертвы, плохое снабжение оружием, неудачи на фронте, особенно в ходе кампании 1915 г., серьезно отразились на моральном состоянии армии и всей страны, вызвав политический кризис. Как на фронте, так и в тылу у многих закрадывалось сомнение в конечном успехе в войне. Брожение докатилось до глубокого тыла. В середине июня 1915 г. серьезные волнения произошли в Москве. Дело приняло такие размеры, что властям пришлось прибегнуть к вооруженной силе. В широких слоях населения постепенно рассеивались иллюзии относительно официально декларируемых целей войны.

Официальные сводки штабов и армий свидетельствуют об изменении в отношении солдат к войне, о падении дисциплины в войсках. Главным, основным в настроениях армии на фронте становилось стремление к миру, скорейшему окончанию чуждой народу длительной и кровопролитной войны. Стремление солдат к скорейшему окончанию войны проявлялось в различных формах. Широ-

⁸ Головин Н. Н. Военные усилия России в мировой войне. Париж, 1939- Т. 2. С. 122—123.

⁹ Деникин А. И. Очерки русской смуты. Репринтное воспроизведение. Т. 1, вып. 1. 1991. С. 25—26.

¹⁰ Дюпюв И. С., Носков А. М. Указ. соч. С. 59. ¹¹ Барсуков Е. Русская артиллерия в мировую войну. М., 1938- Т. I. С. 351.

156

кий размах приобретало братание, дезертирство. Всюду в воинских частях, в офицерских собраниях в присутствии командиров, в штабах и т. д. говорилось о негодности правительства, о придворной грязи¹².

Вскрывая причины кризисного положения, охватившего в 1916 г. страну и армию, министр внутренних дел А. Д. Протопопов отмечал: «Финансирование расстроено, товарообмен нарушен, про-

изводительность страны — на громадную убыль ... пути сообщения в полном расстройстве. Наборы обезлюднили деревню, остановили землеобрабатывающую промышленность, ощутился громадный недостаток рабочей силы ... Города голодали, торговля была задавлена, постоянно под страхом реквизиций. Единственного пути к установлению цен — конкуренции — не существовало ... Армия устала, недостатки всего понизили ее дух...»¹³. Показательно, что в феврале 1917 г. ни один из главнокомандующих фронтами не смог выделить сколько-нибудь надежных частей для спасения династии Романовых. Вот что телеграфировал Николаю II главнокомандующий Западным фронтом генерал А. Е. Эверт: «Ваше величество, на армию в настоящем ее составе при подавлении внутренних беспорядков рассчитывать нельзя. Ее можно удержать лишь именем спасения России от несомненного порабощения злейших врагов родины при невозможности вести дальнейшую борьбу. Я принимаю все меры к тому, чтобы сведения о настоящем положении дел в столицах не проникали в армию, дабы обереечь ее от несомненных волнений. Средств прекратить революцию в столицах нет никаких»¹⁴.

Пришедшее в ходе революции к власти Временное правительство, взяв курс на продолжение мировой войны, приступило к подготовке наступления русской армии в соответствии с решениями союзнических конференций в Шантильи и Петрограде, разработавших общий стратегический план кампании 1917 г. Согласно этому плану предусматривалось осуществление согласованных наступательных действий армиями Антанты, которые должны были «вес-г тись с наивысшим напряжением и с применением всех наличных | средств, дабы создать такое положение, при котором решающий уел пех союзников был бы вне всякого сомнения»¹⁵. Союзники оказывали сильное давление на Временное правительство, требуя ускоренной подготовки и проведения наступления русской армии для того, чтобы облегчить положение своих войск, потерпевших крупное поражение на Западном фронте в апреле 1917 г. ("операция Нивеля").

Вопрос о наступлении русской армии и для союзников России весной 1917 г. перестал быть только военно-стратегическим вопросом. Правительства Франции, Англии, Италии, обеспокоенные происходящими в России революционными событиями, видя в них одну из главных причин, повлиявших на усиление классовой борьбы

12 См.: Деникин А. И. Указ. соч. С. 36.

13 Милоков П. Н. Воспоминания. Нью-Йорк, 1955. Т. 2. С. 259. и Отречение Николая II- Воспоминания очевидцев, документы. 2-е изд. Л., 1927.

С. 238—239. 15 Конференция союзников в Петрограде в 1917 г. // Красный архив. 1927. Т. 1/20-

С. 42.

в своих странах, требовали от Временного правительства ускоренной подготовки и проведения наступления. Они также считали, что наступление на фронте должно стать наступлением на революцию. Глава американской специальной миссии, побывавшей в России летом 1917 г., Э. Рут в беседе с сотрудником газеты «Новое время» заявил, что победа на фронте и укрепление положения правительства это две стороны единой задачи¹⁶.

Решение о наступлении на русско-германском фронте обуславливалось не только требованиями союзников. Напуганное усиливавшейся классовой борьбой в стране, дальнейшим революционизированием армии. Временное правительство исходило прежде всего из необходимости достижения своих внутривнутриполитических целей. Расчет организаторов наступления сводился к следующему: в случае успеха наступление упрочило бы власть Временного правительства, отвлекло внимание масс от острых внутривнутриполитических проблем, но самое главное — успешное наступление, по мнению его организаторов, позволило бы разогнать Советы и солдатские комитеты, принять репрессивные меры против выходящих из подчинения армейских частей.

Активную роль в подготовке наступления играли меньшевики и эсеры. Их представители на многочисленных митингах и собраниях солдат заявляли, что Временное правительство стремится к достижению мира без аннексий и контрибуций, что наступление якобы необходимо во имя защиты революции.

Большевики со своей стороны выдвинули радикальную программу революционного решения этой проблемы, последовательно проводя

намеченный ими курс на подготовку и проведение социалистической революции. Стремление к разрушению прежней власти неизбежно толкало их к разложению старой армии. Армия стала ареной острой политической борьбы. Комитеты создавались на всех фронтах и в военных округах. Образование в войсках солдатских комитетов явилось значительным шагом углубления в воинской среде классовой дифференциации, вовлечения солдатских масс в политическую борьбу.

Революционизирующее воздействие в армии особенно усилилось после опубликования в марте 1917 г. приказа № 1 Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. Один из важнейших пунктов приказа гласил: во всех политических выступлениях воинская часть подчиняется Совету рабочих и солдатских депутатов и своим комитетам. Приказы военной комиссии Государственной думы должны были выполняться только в тех случаях, когда они не противоречили приказам и постановлениям Совета рабочих и солдатских депутатов. Все оружие переходило в распоряжение и под контроль ротных и батальонных комитетов и не выдавалось-офицерам даже по их требованию¹⁷.

9 марта военный министр Гучков в письме генералу Алексееву писал; «Прошу верить, что действительное положение вещей тако-

16 Новое время- 1917. 27 июня.

17 См.: Революционное движение в русской армии (27 (Бевмля 1917 года). Сб. док М., 1968. С. 20—21. • ^с»рля»

158

во: Временное правительство не располагает какой-либо реальной властью и его распоряжения осуществляются лишь в тех размерах, кои допускает Совет рабочих и солдатских депутатов, который располагает важнейшими элементами реальной власти, так как войска, железные дороги, почта и телеграф в его руках. Можно прямо сказать, что Временное правительство существует лишь пока это допускается Советом рабочих и солдатских депутатов. В частности," по военному ведомству ныне представляется возможным давать лишь те распоряжения, которые не идут коренным образом вразрез с постановлениями вышеназванного Совета»¹⁸. И так, если Временное правительство не потеряло окончательно своего влияния над армией, то в первую очередь этим оно было обязано меньшевикам и эсерам, оказавшимся у руководства Петроградским Советом, большинства местных Советов, а также фронтовых, армейских, полковых и ротных комитетов.

В то же время по отношению к высшему командному составу армии Временное правительство само вело разрушительную политику. В марте — октябре 1917 г. в отставку были уволены 374 генерала. Увольнению подвергались в первую очередь представители высшего армейского руководства. Из 225 полных генералов русской армии, состоявших на службе к началу Февральской революции, Временным правительством были уволены 68 человек. Временное правительство присвоило это звание лишь 7 генералам¹⁹. Главным критерием была политическая благонадежность. Оценивая результаты деятельности правительства по «чистке» генералитета, офицер Генерального штаба генерал-майор Э. А. Верцинский писал: «Попутно с небольшим числом слабых начальников было уволено значительное число средних и даже хороших... Гораздо хуже был косвенный вред, получившийся от назначения не по кандидатским спискам, а по каким-то особым соображениям, что поощряло к карьеризму и интригам»²⁰.

Моральное состояние войск в целом после февральской революции характеризовалось, по мнению генералитета, тем, что пережив громадный нервный подъем, как офицеры, так и солдаты, в новых условиях жизни еще не нашли себя, не определили своей линии поведения, что порождало взаимное недоверие и непонимание. «Офицеры,— отмечал в своем рапорте главнокомандующий Западным фронтом генерал В. И. Гурко,— не доверяют солдатам, так как чувствуют в них грубую силу, которая легко может обратиться против них самих; солдаты видят в офицере барина и невольно отождествляют его со старым режимом. Полное лишение офицеров дисциплинарной власти выбило у них почву из-под ног»²¹.

Особое беспокойство у организаторов наступления вызывали принявшие массовый характер отказы продолжать войну. Почти во всех донесениях, докладах, рапортах, поступающих в Ставку с

¹⁸ Я. Зайончковский А. М. Стратегический очерк войны 1914—1918. Ч. VII. Кампания 1917 года. М., 1923, Поил. № 3. С. 121. | 19
Русский Вестник. 1992. № 19.

¹⁹ Берлинский Э. Л. Год революции. Воспоминания офицера Генерального штаба. Таллинн, 1929. С. 15. 31 ЦГВИА- ф, 2003.
Оп. 1. Д. 65. Л. 428.

фронта, отмечались многочисленные случаи выступлений солдат против продолжения войны. «В армиях развивается пацифистское настроение,— докладывал главкомверх Алексеев военному министру в письме от 16 апреля.— В солдатской массе зачастую не допускается мысли не только о наступательных действиях, но даже и о подготовке к ним, на каковой почве происходят крупные нарушения дисциплины, выражающиеся в отказе солдат от работ по сооружению наступательных плацдармов»²².

Определенная часть высшего командования армии откровенно рассчитывала в ходе наступления подготовить почву для установления в стране военной диктатуры, которая одним ударом покончила бы с большевиками и Советами. Командующий Черноморским флотом адмирал А. В. Колчак говорил: «...Наступление, к чему бы оно ни привело, будет "водой на нашу мельницу". Если победа будет на нашей стороне, авторитет командного состава поднимется в результате успешно проведенной операции. Если будет поражение, все впадут в панику и обвинят в поражении большевиков, а нам дадут в руки власть...»²³. На состоявшемся 1 мая в Ставке совещании представителей верховного командования, его участники вынуждены были признать, что «общее

настроение армии — мир во что бы то ни стало»²⁴. Приказы офицеров выполнялись постольку, поскольку они соответствовали решениям солдатских комитетов. В результате совещания командующие пришли к единодушному решению осуществить наступление на фронте, видя в нем единственное средство «спасения» армии и России. Представители верховного командования прекрасно понимали, что ни они сами, ни Временное правительство в существующем составе не смогут организовать наступление армии без помощи «социалистов» — меньшевиков и эсеров. При этом генералы исходили из того, что меньшевики и эсеры, несмотря на разглагольствования о «мире без аннексий и контрибуций», фактически поддерживали политику продолжения войны. К тому же, как отметил начальник Генерального штаба П. И. Аверьянов, «с лицами из Советов рабочих и солдатских депутатов сговориться можно»²⁵. Учитывая это, участники совещания высказывались за необходимость создания коалиционного правительства, надеясь с помощью министров-социалистов и используя их влияние в солдатских массах, двинуть армию в наступление.

Они не обманулись в своих надеждах. В опубликованной 6 мая декларации коалиционного Временного правительства наряду с обещанием скорейшего достижения всеобщего мира без аннексий и контрибуций, указывалось, что важнейшей задачей Временного правительства является укрепление боевой силы армии «как в оборонительных, так и в наступательных действиях»²⁶.

После майского совещания на фронте началась усиленная подготовка к наступлению. В ходе ее большое место отводилось мо-

" Революционное движение в русской армии в 1917 году М. 23 *Верховский А И* На трудном перевале. М., 1959 С. 275. "Стратегический очерк войны 1914—1918 гг. Ч. 7 С. 133—151. " *Заиончковский А. м.* Указ соч Прил. № 6 С. 147 26 революционное движение в России в мае — июне 1917 г. Док. и мат. М., 1959 С. 229.

166

ибНо-политической обработке солдатских масс. Широкий размах I'приобрела так называемая словесная кампания. По армии разъезжали из числа представителей партий, входивших во Временное правительство, агитаторы, пытавшиеся убедить солдат, что путь к «миру лежит через взятые окопы противника. На фронт посылались [большое число брошюр, воззваний, листовок, в которых кадеты, меньшевики и эсеры обосновывали необходимость наступления. Для всей этой пропагандистской литературы были типичны лозунги: «Итак, мир после победы — вот самый скорый мир. Лучшая оборона — в наступлении»²⁷.

В приказе главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта генерала А. Е. Гутора, отданном войскам накануне наступления с несвойственным для подобных документов пафосом говорилось:

«Народ посылает Вас вперед с красными знаменами революции, чтобы Вы защитили и укрепили драгоценный дар свободы и заставили врага заключить мир, которого хочет вся русская демократия — мир без захватов и контрибуций, на основе самоопределения народов. В наступающие дни решится не только судьба войны, но и судьба добытой свободы и самого существования нашего отечества...»²⁸. С немалым усердием агитировали за наступление и представители «союзной демократии». В России побывали извест-¹ные лидеры западных социалистов: А. Гендерсон, Э. Вандервельде, А. Тома и другие. Они стремились любой ценой сохранить боевой дух России, опасаясь, что появление пацифистских настроений после февральской революции может стать гибельным для продолжения войны. Эти опасения были небезосновательны.

С решительными отказами перейти в наступление выступили многие части Северного, Западного, Юго-Западного и Румынского фронтов. Приказы командования, касавшиеся перегруппировки войск и подготовки наступательных действий, обсуждались солдатами на митингах и почти всегда не выполнялись. В некоторых частях недовольство солдат было настолько велико, что дело доходило до убийств офицеров, требовавших продолжения активных действий на фронте. Депутаты Государственной Думы А. М. Масленников и П. М. Шмаков, обобщая свои наблюдения о морально-боевых качествах солдат Юго-Западного фронта, признавали, что солдаты более не рвутся в бой²⁹.

Представляет интерес высказывание генерала М. В. Алексева, руководившего русской армией в первые месяцы после февральской революции. В письме военному министру А. И. Гучкову от 16 апреля он писал: «Нам нужно ... всем, всей России, всем партиям без различия их программ громко сказать: Родина в опасности. Громко и открыто заявить России о тех язвах, которые разлагают ее армию, и немедленно лечить их. С большим удивлением читаю отчеты безответственных людей о "прекрасном" настроении армии. Зачем? Немцев не обманем, а для себя — это роковое самообольще-

²⁷ Капустин М. И. Солдаты Северного фронта в борьбе за власть Советов М., 1957 С. 79-80.

²⁸ РГВИА.Ф 2067- Оп 1. Д. 170. Л 307-19 Головин Н. ff. Указ. соч. С. 226.

ние. Надо называть вещи своими именами, и это должны сделать Временное правительство, трезвая печать, общество, все партии, пользующиеся авторитетом масс, и коим дорога свобода народов, населяющих Россию»³⁰. На объединенном совещании главнокомандующих фронтами, членов Временного правительства и представителей Исполнительного комитета Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов 4 мая была дана следующая общая характеристика

морального состояния армии: «Господствующее настроение в армии — **жажда** мира... Стремление к миру является **настолько** сильным, что приходящие **пополнения** отказываются брать **вооружение** — "зачем нам, мы **воевать** не собираемся"»³¹.

Командующий 10-й армией Западного фронта генерал Н. М. Киселевский, анализируя состояние вверенных ему войск, в письме от 14 июня главнокомандующему Западным фронтом А. И. Деникину, отмечал: «Настроение войск, предназначенных для атаки, заставляет сомневаться в том, пойдут ли они в атаку, но даже выполнят ли они приказ о занятии исходного положения... Вероятность успеха или, вернее, вероятность того, состоится ли атака, можно определить только так: "авось пойдут". Я обязан сказать Вам: армия еще тяжело больна ... чтобы исполнить тот великий подвиг, быть может последний, которого требует от нее Родина. Быть может, общая обстановка политическая и стратегическая такова, что намеченная операция должна быть выполнена во что бы то ни стало, что осуществление ее необходимо даже в том случае, если бы надежды на наступательный порыв пехоты не увеличились, что рискнуть ею надо было бы даже в предвидении ее полной неудачи. В таком случае, конечно, никаких разговоров быть не может и все чины армии, сохранившие сознание долга перед Родиной, свой долг выполнят. Но если успех или неудача этой операции могут отозваться на дальнейших судьбах России, то позволительно ли ее предпринимать, зная, что успех ее в такой большой степени зависит от того "авось", размер которого не поддается никакому учету?»³². Командование Западным фронтом, напуганное размахом солдатских волнений, вынуждено было снять с передовой и отвести в тыл до 30 тыс. человек³³.

С каждым днем на фронте увеличивалось число антивоенных выступлений. И если в марте — апреле солдатские массы **стихийно** боролись с лозунгом о продолжении войны, **то** уже в период непосредственной **подготовки** летнего наступления в мае — начале июня **командование** русской **армии** все чаще и чаще сталкивалось с организованными сознательными отказами солдат идти в **наступление**. Все это не могло **не** беспокоить Временное правительство и **верховное командование**. Для того, чтобы укрепить свое влияние в **армии**, сохранить над **ней** контроль, правительство, генералитет использовали различные средства, **хотя** единства по многим вопросам достигнуто не было.

³⁰ Революционное движение в русской армии в 1917 г. Сб. док. М., 1968. С. 62—63

³¹ Деникин Л. И. Указ. соч. Т. 1. Вып. 2. С. 52.

³² РГВИА. ф. 55. Оп. 5 Д. 1 Лл 12—14.

³³ Стратегический очерк войны 1914—1918 гг. М., 1923. Ч. 7. С. 154. ,

Принятая Временным правительством в мае «Декларация прав **военнослужащих**», уравнивавшая военнослужащих в правах с **гражданским населением**, закреплявшая за солдатами ^право **свободно и открыто высказывать** свои политические, **религиозные, социальные** взгляды, быть **членом** любой **организации, общества** или союза, была **отрицательно** встречена **верховным командованием**. , Приверженцы жесткой воинской **дисциплины** не могли **смириться** с введением новых **порядков**. По их **мнению** «Декларация» явилась последним гвоздем, заколачиваемым в **гроб русской армии**³⁴.

Со своей стороны **верховное командование** выдвинуло **собственную программу спасения армии**. 21 мая **верховный главнокомандующий генерал Алексеев** направил правительству **телеграмму, в которой говорилось** о необходимости немедленного восстановления **военно-полевых судов**, приведения приговоров суда **в исполнение без всяких смягчений и изъятий**, расформирования **ненадежных частей, отказавшихся** исполнять боевые распоряжения, возвращения командирам **дисциплинарной власти**. «Только при такой постановке вопроса,— писал Алексеев,— **возможно водворение в армии порядка и возвращение утраченной дисциплины**. Увещания, воззвания действовать на массу не **могут**.

Нужны власть, сила, принуждение, **страх** наказания. Без этого **армия** существовать **при своем** данном составе не **может**. Считаю **своим священным** долгом сказать **об** этом честно и настойчиво. Развал **внутренний** достиг **крайних** пределов, дальше идти некуда. **Войско** стало **грозным** не врагу, а Отечеству»³⁵.

Массовые отказы солдат продолжать войну **привели** командование к мысли о необходимости **создания** надежных ударных частей **из** добровольцев. В приказе **нового** главковерха генерала Брусилова от **14 июня** отмечалось, что **организация ударных** частей подняла бы воодушевление, наступательный порыв в армии и в стране, вселила бы в армию веру, «что весь свободный русский народ идет с нею в бой за свободу и скорый мир»³⁶. Но приступая **к формированию** ударных частей, командование **преследовало и** другую, пожалуй, более важную цель. В **условиях** нараставшего революционного движения оно рассчитывало, **что** эти отборные **части** послужат той силой, которая поможет восстановить «порядок» в армии, явится опорой в борьбе с революцией.

Генерал Брусилов в **своем** письме от **8 июля** 1917 г., адресованном **главнокомандующим** фронтами, обосновывал необходимость **создания** добровольческих **частей** прежде **всего** **угрозой** надвигающейся гражданской войны. «Большевизм сделал свое дело,— отмечал верховный главнокомандующий,— и армия, в значительной гноей части отравленная ядом этой пропаганды, **не только** не спасет свободу, **но** оставаясь непасомым **стадом**, погубит ее. Настало **время** действовать энергично и приложить **все** усилия, дабы сберечь **армию** и довести до Учредительного собрания что-либо строй-

ное, а не банду вооруженных людей». Создание добровольческих частей, по мнению Брусилова, диктовалось также тем, что ее последним выстрелом на фронте все, что теперь удастся удержать в окопах, ринется в тыл, и притом с оружием в руках»³⁷.

Главнпкомандующие фронтами высказали различные мнения о целесообразности организации частей «долга перед родиной», но в констатации близости полного развала армии они были, единодушны. Однако если большинство из них основную причину этого положения объясняло исключительно пропагандой крайне левых течений, то главнокомандующий Западным фронтом генерал Деникин высказал особое мнение. В своем ответе он писал: «Позволю себе не согласиться с мнением, что большевизм явился решительной причиной развала армии: он нашел лишь благодарную почву в систематически разлагаемом и разлагающемся организме»³⁸.

Формирование ударных революционных батальонов из добровольцев тыла началось еще в мае на Юго-Западном фронте, а затем на других фронтах. В начальный период формирования ударных частей под влиянием патриотической пропаганды защиты революции и отечества солдаты целых дивизий, бригад, полков объявляли себя ударными. Однако эти начинания не могли получить развития: темп, которым шло углубление революции, не давал времени для надлежащей организации. Как отмечал А. И. Деникин, «на призыв вступить в ударные части могли откликнуться только элементы умеренности и порядка... кому просто опостылела безрадостная, опошленная до крайности, полная лени, сквернословия и озорства полковая жизнь»³⁹. Вскоре же, особенно во время непосредственной подготовки к наступлению и в ходе самого наступления, когда командование стало использовать ударные части главным образом для подавления, расформирования «ненадежных» частей, отношение солдат к этим «революционным» батальонам резко изменилось. Солдаты настороженно, а чаще всего враждебно встречали ударников, прибывавших на фронт.

Таковы факты, свидетельствующие о настроении, моральном состоянии солдатских масс накануне наступления 1917 г. Командование принимало меры для того, чтобы уменьшить антивоенные настроения, но даже самые жестокие из них не могли остановить разложение русской армии. Верховный главнокомандующий генерал Брусилов в телеграмме на имя министра-председателя Временного правительства указывал, что «оздоровление в армии может последовать только после оздоровления тыла, признания пропаганды большевиков и ленинцев преступной, караемой как за государственную измену. Без этого власть начальства, которое по закону может употреблять в боевой обстановке даже оружие против неисполняющих боевые распоряжения, сводится к нулю и фактически не может быть применена. Нельзя ради свободы слова допускать пропаганду, которая разрушает армию и губит Россию»⁴⁰.

37 РГВИА, ф. 2067, Оп. 1. Д. 172. Лл. 364—365. W
Красная летопись № 6. 1926 С. 12. » Деникин А. И. Указ.
соч С. 137—138. « РГВИА ф. 366 Оп. 1. Д. 106 Л 67 об

Бесполезность предпринимаемых усилий по оздоровлению войск была ясна не только высшему военному руководству, но и младшему офицерству действующей армии. Уже в разгар боевых действий на имя Керенского с фронта поступила гневная телеграмма от офицера Третьей Сибирской стрелковой артиллерийской бригады' штабс-капитана Симонова, в которой в частности говорилось: «Поездки по фронту убедили Вас, что даже Вашими словами зажечь можно только немногих». Обвинив Временное правительство и своего адресата в том, что они превратили армию в толпу взбунтовавшихся рабов, опасную для России,

автор призывал немедленно прекратить опыты над ней. «Армия может быть только русской,— отмечалось в телеграмме,— никакой революционной армии быть не должно. Армия вне политики. Кто думает иначе тот не понимает смысла существования вооруженных сил в государстве»⁴¹.

В результате острой политической борьбы, развернувшейся в стране весной и летом 1917 г., русская армия была полностью деморализована и не способна успешно решать крупные стратегические задачи. Главное, к чему привело ее наступление летом 1917 г., его неудача, явилось то, что Временное правительство лишилось доверия у 1 солдатских масс, утвердившихся в том, что им не за что воевать.